

КРИСТИНА НАЙТ

**ОСКОЛКИ
МРАКА**

18+

крИстИна нАйт
ОСКОЛКИ МРАКА

«Автор»

2026

найт к.

ОСКОЛКИ МРАКА / к. найт — «Автор», 2026

"Осколки мрака" — это напряженный психологический триллер, который заставит вас сомневаться в реальности на каждой странице. Это история о хрупкости человеческого сознания, о силе страха, который парализует и заставляет видеть чего нет, и о том, как далеко можно зайти, чтобы сохранить себя.

© найт к., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

кристина найт ОСКОЛКИ МРАКА

Глава 1

Мистериум - место, где реальность
переплетается с тенями, а
прошлое не желает оставаться
погребенным.

СОН ПЕРВЫЙ

С самого раннего детства, когда мир еще был для него лишь калейдоскопом ярких пятен и неразборчивых звуков, он начал видеть сны. Не просто сны, а один и тот же, повторяющийся кошмар, который с годами становился все отчетливее и реальнее.

Во сне он стоял посреди комнаты, залитой призрачным лунным светом. Пол под ногами был холодным и гладким, отражая тусклый свет. Он чувствовал себя странно легким, почти невесомым. У его ног лежала тень, плоская и черная, как чернила, пролитые на свет. Но что-то было не так: тень казалась слишком длинной, слишком вытянутой.

Он делал шаг, и она следовала за ним, но с какой-то задержкой, словно нехотя. Затем она начинала удлиняться еще больше, ползла по полу, как живое существо. Он наблюдал, затаив дыхание, как она медленно, но неумолимо поднимается по стене. Ее контуры становились четче, приобретая объем, которого у тени быть не должно. Серое "нечто", продолжая свое восхождение, достигало потолка. Там оно останавливалось, на мгновение зависая в воздухе, и с тихим шелестом плавно опускалось на пол.

И вот, перед ним уже стоял пульсирующий осколок мрака, не имевший лица. В этот момент он понимал: ему нужны плоть и кровь. Его плоть, его кровь... Он не мог пошевелиться, пока эта тьма, словно голодная тварь, медленно, но неотвратимо начинала его поглощать. Не сразу, а постепенно. Сначала исчезал свет в глазах: зрачки расширились, кожа становилась тоньше, бледнее, отступала от костей, обнажая контуры челюстей, выдающихся скул. Кровь, что раньше жила под кожей, теперь струилась по поверхности: капли выступали на висках, на губах, словно изнутри кто-то давил, разрывая мелкие сосуды. Губы трескались, обнажая зубы. Лицо, пытаясь вырваться из себя самого, искажалось в беззвучном крике, в попытке оттолкнуть эту чудовищную субстанцию, которая медленно, но верно сдирала его облик. По воздуху, словно невидимые нити, тянулись тончайшие струйки. Они начинались от кончиков пальцев, от линии роста волос, от самых глубоких морщин и медленно, мучительно медленно, стекали к центру этого кошмара. Кровь не капала, а перетекала, словно жидкий шелк. Кожа медленно сползала с костей, с мышц и присоединялась к пульсирующей массе. Кости ломались без звука, распадались, превращаясь в податливую массу. Все, что составляло его форму, теперь всасывалось в этот ступок мрака. Постепенно из этой массы начали проступать его черты. Сначала это были неясные бугры и впадины. Глаза, если их можно было так назвать, были огромными, без зрачков. Рот представлял собой щель, которая то открывалась, то закрывалась, издавая тихий, шипящий звук.

Субстанция продолжала впитывать последние остатки его облика. И самое страшное было не в боли, а в осознании того, что он сам, его собственное "я", становилось этим кошмаром. И вот, когда последний след человеческого тела исчез, когда всё, что было им, стало

частью этого нового существа, оно замерло. Они были зеркальным отражением друг друга, но одно отражение было живым, а другое — нет.

Он был свидетелем собственного исчезновения, беспомощный и обречённый.

"Ты боишься меня", — звучало в его сознании. "Но я — это ты".

Просьпался он в слезах, с ощущением, что часть его действительно осталась там, в той призрачной комнате. Он боялся засыпать, боялся темноты, боялся своей собственной тени. Он пытался рассказать родителям, но они лишь отмахивались, списывая всё на детские фантазии и ночные кошмары. "Просто плохой сон, сынок, забудь", — говорила мама, глядя его по голове. Но как можно забыть то, что повторяется почти каждую ночь?

С возрастом страх не уходил, а лишь усиливался. Он стал замкнутым, избегал шумных компаний, предпочитая одиночество. Он постоянно оглядывался, ему казалось, что двойник может появиться не только во сне, но и наяву. Он стал замечать странные вещи. Иногда, проходя мимо зеркала, ему казалось, что его отражение на долю секунды задерживается, смотрит на него с той же пустой чернотой в глазах. Или, когда он шёл по улице, ему казалось, что его тень на асфальте движется как-то иначе, не совсем синхронно с ним.

*****

Утро в полицейском участке округа Огайо началось бодро. Солнце, нагло, по-хозяйски, вливало тонны света сквозь широкое окно, напрочь лишённое занавесок. Никаких жалюзи, только голый проем. Казалось, свет проникал сквозь него так же беспрепятственно, как сквозь глаза, лишённые век, — беззащитно и открыто.

Запах солнца в помещении смешивался с монотонным гулом офисных компьютеров. Кофейный аппарат, стоящий в углу, издавал короткое шипение и выпускал вверх горячие струйки пара. Мерцающие пылинки в лучах света становились частью этого ароматного облака.

На центральной стене висела огромная карта, где красными флажками были обозначены места преступлений, а зелеными — маршруты патрулей.

Под стеллажами с папками симпатичная девушка с причёской, словно вырезанной из шелка, деловито настукивала что-то на клавиатуре. В такт ее ритму покачивалась маленькая фигурка кошки, прислоненная к ее монитору.

Вокруг туда-сюда сновали полицейские, громко разговаривая по телефону, а за столами сидели детективы, каждый погруженный в свои дела.

Стив Картер всегда пользовался успехом у девушек. Темно-синий цвет формы, белая рубашка и блестящие погоны идеально подчеркивали его легкий загар. Прямой нос, четко очерченные скулы и выразительные карие глаза обрамляла копна черных, непослушных волос.

Сегодня он появился на пороге офиса в новенькой форме, которая идеально сидела на его фигуре. Кобура на бедре блестела, а значок на груди сверкал.

– Доброе утро, сони! – провозгласил он.

Широко улыбаясь, навстречу ему вышел Джек.

– Как дела, Стив? – он встретил его крепким рукопожатием. – Как всегда, отлично выглядишь! Наверняка, уже есть что-то интересное на уме.

– Да у него на уме только красотки! – Райли, рыжеволосый парень с вечной щетиной, подмигнул ему, выглядывая из-за компьютера. Смех прокатился по рядам детективов.

В арсенале Стива было много искрометных шуточек, одну из которых он уже нацелил в адрес Райли и Джека, как вдруг в отделение полиции влетел Митч.

Его растрепанные желтоватые волосы торчали во все стороны, а сам он, словно выброшенная на берег рыба, беззвучно хватался ртом за воздух. В руке он судорожно сжимал испищенный бланк, потрясая им над головой.

— Убийство... — наконец-то его голосовые связки смогли вытолкнуть из себя звуки.

Стив тут же выхватил бланк из руки Митча и впился взглядом в текст. Все притихли, наблюдая, как его глаза скользили по строчкам, буква за буквой.

— У нас убийство, ребята... — Он оглядел коллег с серьезным видом, давая понять, что время шуток закончено.

— Джек, подними всю сводку за эту ночь, Рич — ты помоги ему, а я — к шефу... — И, не теряя больше времени на разговоры, он вышел.

*****

Кабинет шефа полиции располагался на втором этаже. Стив в два прыжка преодолел лестницу и устремился к двери, за которой раздавался тревожный голос начальника. Приблизившись, он осторожно заглянул внутрь.

Шеф полиции, Томас Блэквуд, стоял у окна спиной к двери. Телефонная трубка была плотно прижата к уху, челюсть крепко сжата, а пальцы выбивали на столешнице нервный ритм. Судя по обрывкам фраз, разговор выдался непростым:

— Я понимаю, какие последствия это может иметь Я понимаю, сэр, но у нас нет никаких доказательств, связывающих его с этим Да, я знаю, что общественность потребует действий Поверьте, мы делаем всё возможное Да, я перезвоню вам, как только у нас появится что-то конкретное.

Он резко нажал кнопку отбоя и бросил телефон на стол. Тяжело вздохнув, Блэквуд обернулся.

— Проходи, Стив, — произнёс шеф. — Вижу, ты уже в курсе, раз пришёл.

Стив толкнул дверь и шагнул в просторный кабинет.

— Присаживайся, — пригласил Блэквуд, указывая на кресло напротив. — Рассказывай, что тебе известно о ночном происшествии.

Стив кивнул и устроился в кресле, предусмотрительно положив перед собой бланк с отчётом о вскрытии.

— Сегодня ночью в парке найден труп девушки. Эмили Стоун, 23 года. Задушена и... — Стив запнулся, сглотнул и продолжил: — У неё не было глаз. Вдавлены внутрь. Это всё.

— Нет, не всё, — Блэквуд даже не вздрогнул: подобные доклады он слышал сотни раз. — Почерк убийства... Он мне до боли знаком.

Блэквуд открыл папку. На первом снимке была аккуратно уложенная на траве жертва. Её светлые волосы расправились, словно кто-то заботливо их расчесал.

— Это его работа, — тихо произнёс шеф. — Каждая деталь, каждая мелочь — всё на своих местах. Словно он вернулся с того света.

— Кто? — недоумённо спросил Стив.

— Ублюдок, проклятый большой ублюдок по имени Чарли Рассел — вот кто! — неожиданно взорвался Блэквуд.

Он с силой швырнул папку с документами — бумаги вихрем разлетелись по комнате. В глазах шефа сверкали молнии, лицо побагровело от гнева. Стив застыл в недоумении: Блэквуд всегда был воплощением спокойствия и собранности.

— Да что происходит?! — Стив вскочил на ноги. — Если вы уже знаете, кто это сделал, мы быстро его найдём и возьмём. Я не понимаю, в чём проблема!

— Извини, — Блэквуд провёл рукой по лицу. — Конечно, ты не понимаешь. Ты же перевелся к нам совсем недавно. Чарли Рассел мёртв, Стив! Мы закрыли это дело два года назад. Чарли Рассел был казнён в окружной тюрьме округа Огайо. Вот так.

Блэквуд подошёл к бару, резко распахнул створки и достал початую бутылку виски. Плеснув в стакан, он одним глотком осушил его. Алкоголь, похоже, немного привёл его в чувство.

Выдохнув, он обернулся к Стиву — голос звучал ровнее, хотя в нём всё ещё чувствовалась внутренняя буря:

— Присядь-ка. Мне нужно тебе кое-что рассказать, — он попытался придать тону непри нуждённость. — Два года назад начали находить трупы девушек — все с идентичными травмами, — он кивнул на отчёт о вскрытии. — После третьего случая стало ясно: орудует маньяк.

Дела объединили в одно производство. Расследовать серию убийств я поручил опытному следователю и моему хорошему другу — Джо Хендерсону.

Он снова поднёс бутылку к стакану, но на этот раз налил лишь немного — глоток вышел размеренным, обдуманым.

— И Джо молодец, сработал оперативно: быстро вычислил этого мерзавца. Арестовали без проблем, он во всём признался. Осудили, приговорили к смертной казни.

Шеф наконец успокоился, взял себя в руки. Медленно отодвинув стул, он сел напротив Стива.

— Видишь ли, дело оказалось несложным — только технически, — Блэквуд нервно огляделся, положил ладонь на бланк отчёта о вскрытии и придвинул его к себе. — Морально это ударило по Хендерсону очень сильно — после процесса он ушёл на пенсию. Характер ран, выбор жертвы, даже место расположения трупов — всё до мелочей указывает на Чарли Рассела. А Чарли мёртв. Мертвее не бывает. Но кто-то намеренно хочет, чтобы мы думали иначе.

Стив молча уставился на Блэквуда, пытаясь осмыслить услышанное. В голове крутились десятки вопросов, но ни один не складывался в связную фразу. Он медленно опустил на стул, не отрывая взгляда от лица шефа.

— То есть кто-то копирует стиль Чарли Рассела? — наконец выдавил он.

Блэквуд кивнул, поставил стакан на стол и провёл ладонью по седым волосам.

— Именно. И делает это слишком точно. Слишком. Словно кто-то изучил дело до мельчайших деталей. Или — он сделал паузу, — или знал самого Чарли. Ближе знал.

Стив нахмурился.

— Вы думаете, у него был сообщник? Тот, кто остался на свободе?

— Возможно. Но есть и другая версия — Блэквуд наклонился вперёд, понизив голос. — Что, если кто-то решил создать иллюзию, будто Чарли жив?

В комнате повисла тяжёлая тишина. Слышно было только тиканье старых настенных часов да отдалённый гул проезжающих машин за окном.

Стив нервно сглотнул.

— Но зачем? — спросил он, хмурясь. — Кому это нужно?

Блэквуд резко поднял голову. Его глаза, обычно пронизательные, сейчас горели лихорадочным огнём.

— Да как ты не понимаешь?! — голос его сорвался на хриплый шёпот. — Чтобы скомпрометировать полицию. Чтобы скомпрометировать меня! На кону моя репутация, Стив, моя карьера!

Он вскочил, сделал два шага по комнате, резко развернулся.

— Два года назад я избавил город от этого чудовища. Два года! И вот — на тебе: «Маньяк-психопат после казни снова вернулся на улицы нашего города». Да ты представляешь, что начнётся? Газеты, телевидение общественность взбунтуется в два счёта.

Он остановился напротив Стива, сжал подлокотники его кресла.

— Я не могу этого допустить, Стивен. Просто не могу. Всё, что я строил годами всё может рухнуть. В одночасье. — Его взгляд остановился на фотографии, висевшей на стене — групповой снимок отдела, где он стоял в центре, уверенный и непоколебимый. Теперь эта уверенность казалась такой хрупкой.

Он резко обернулся к Стивену, его лицо было бледным, а губы сжаты в тонкую линию.

— Найди мне, кто это сделал, иначе моя репутация будет смыта в унитаз, и последствия будут куда серьёзнее, чем ты можешь представить.

На мгновение он замолчал, сделал глубокий вдох и усилием воли смягчил тон.

— Стив, — произнёс он чуть тише, — ты же знаешь, мы с твоим отцом давние друзья. Я помню, каким ты был в академии — лучшим из лучших. И я не ошибся, когда взял тебя к

себе, как только появилась вакансия. Ты молод, у тебя свежий взгляд, незамутнённый годами рутины. Именно поэтому я хочу, чтобы ты взялся за это дело. Прошу тебя.

С этими словами шеф тяжёлым шагом направился к сейфу. С характерным скрежетом повернул кодовый замок, распахнул массивную дверцу несгораемого шкафа и извлёк оттуда толстую папку.

— Здесь всё, что у нас есть по делу Чарли, — папка глухо легла на стол перед Стивом. — Фотографии с места преступления, протоколы допросов, полная биография Рассела. — всё, что мы смогли раскопать тогда. Пересмотри улики ещё раз, до мельчайших деталей. Допроси свидетелей, которых мы могли упустить или не счесть важными. Я верю: ты найдёшь то, что мы пропустили. В этом деле кроется какая-то деталь, ускользнувшая от нас.

Стив кивнул, чувствуя, как внутри нарастает смесь тревоги и азарта.

— Я всё сделаю, шеф, — твёрдо ответил он.

Блэквуд вернулся к столу, взял бутылку виски, но тут же поставил её обратно.

— И ещё одно, — добавил он жёстко. — Держи это в секрете. Пока что. Если слухи о «воскрешении» Чарли Рассела пойдут в народ, начнётся паника. А нам этого не нужно. Пока мы не поймём, кто это и что он задумал, мы будем держать это в тайне. Любая информация, которая просочится, может только навредить. Этот человек хочет сенсации, и мы не должны ему её давать. Мы должны поймать его до того, как он сможет разрушить мою репутацию и посеять панику в городе.

Стив поднялся, собрал разлетевшиеся бумаги и аккуратно сложил их в папку.

— Понял. Ни слова никому.

Блэквуд устало улыбнулся.

— Вот и хорошо. Иди работай. И будь осторожен. Тот, кто это делает, явно не шутит.

*****

Стив Картер покинул кабинет шефа с ощущением, будто тот рассказал ему не всё. Эти тревожные мысли он пока отложил на задворки сознания: сейчас требовалось погрузиться в прошлое с чистым разумом.

Он бросил взгляд на пухлую папку в своих руках и направился по длинному коридору к своему кабинету. Комната встретила его привычным полумраком — тусклый свет настольной лампы едва пробивался сквозь плотные жалюзи. Это было его личное пространство, убежище, где можно было отгородиться от суеты и сосредоточиться на главном.

Опустившись в кресло, Стив глубоко вздохнул. Нужно было отбросить эмоции и взглянуть на дело хладнокровно. Два года — срок небольшой, но достаточный, чтобы свидетели забыли важные детали, а улики затерялись или были уничтожены. Время работало против него — следовало поторопиться. Первым делом — систематизировать все имеющиеся данные.

Стив начал перебирать фотографии, внимательно изучая каждую деталь. Жертвы Все — молодые женщины, одинокие, проживавшие в разных районах города. На первый взгляд, никакой видимой связи между ними не было. Кроме одной страшной детали: все они были задушены, а их лица изуродованы.

Согласно материалам дела, Рассел начал убивать два года назад. Именно тогда был обнаружен первый труп — девушка с пустыми глазницами, словно кто-то намеренно лишил её последнего следа человечности.

Пока шло расследование, число жертв возросло ещё на две. Тщательно проанализировав личности погибших, следователи смогли выявить закономерность: все женщины были примерно одного возраста и посещали один и тот же тренировочный бассейн.

Руководство приняло смелое и рискованное решение. В бассейн под видом обычной посетительницы, в роли приманки, была направлена сержант полиции Лили Марч. Её задача заключалась в том, чтобы, не вызывая подозрений, выманить преступника и заставить его раскрыть себя.

Лили действовала безупречно. Она убедительно вжилась в роль — и не прошло и трёх дней, как Чарли появился.

Из рапорта Лили Марч: «...тихий плач, едва уловимый, прятался где-то между рядами холодных металлических шкафчиков, эхом отдаваясь в полумраке раздевалки. Я осторожно двинулась вдоль стены вглубь помещения, стараясь ступать бесшумно. Каждый шаг отдавался лёгким скрипом старого линолеума, и я невольно задерживала дыхание, чтобы не спугнуть источник этого горестного звука.

Заглянув за ряды шкафчиков, я увидела молодого парня. Он сидел на скамейке в одних плавках, сгорбившись и обхватив себя руками, словно пытался спрятаться от всего мира. Его плечи вздрагивали от с трудом сдерживаемых рыданий, а спина согнулась под тяжестью невидимой ноши. В этом зрелище было столько безысходности и боли, что моё сердце невольно жалось. Осторожно коснувшись его плеча, я тихо спросила:

— Вам плохо?

Он поднял голову, смахнув светлую прядь волос с лица. На меня взглянули серо-голубые глаза, полные слёз; в них читалась такая глубокая тоска, что слова застряли у меня в горле.

— Извините — он запнулся, словно не зная, как выразить то, что переполняло его изнутри.

— Всё в порядке, — я присела рядом, стараясь придать голосу как можно больше теплоты и участия. — Вы можете поговорить со мной, если хотите.

Молодой человек чуть придвинулся ближе, будто ища во мне опору, защиту от своих терзаний. И тогда, сквозь слёзы, он начал рассказывать.

Трагичная история его семьи, полная потерь и несправедливости, разворачивалась передо мной, словно мрачная повесть. Каждое слово было пропитано болью, и я слушала, не перебивая, чувствуя, как эта история проникает в меня, вызывая сочувствие и желание помочь.

Сама ситуация словно требовала моего участия. В его взгляде, дрожащем голосе, в самой манере держаться я видела не просто просьбу о помощи — это был крик души, отчаянный зов, который не мог остаться без ответа.

После долгого молчания он, собрав последние силы, тихо предложил:

— Может быть вы согласитесь продолжить наше знакомство вечером? За чашкой кофе?

Я на мгновение замерла, взвешивая в уме все «за» и «против». В его словах не было ни намёка на что-то предосудительное — лишь робкая надежда на поддержку, на понимание, на возможность разделить свою ношу с кем-то другим.

— Да, — ответила я наконец, мягко улыбнувшись. — Я буду рада встретиться с вами вечером. Возможно, я смогу предложить ту самую помощь, которую вы так отчаянно ищете».

Контакт девушки-оперативника не остался незамеченным для наблюдательной группы. Как только молодой человек вышел из здания бассейна и направился к своей машине, его тут же окружили. Молодой человек, хоть и выглядел искренне удивлённым, не стал сопротивляться. Они подошли к его автомобилю, открыли багажник, и тут началось то, что перевернуло всё дело с ног на голову.

Внутри багажника и на сиденьях салона царил хаос: нож с тёмными пятнами, похожими на следы крови; обрывки ткани, явно оторванные в борьбе; клочья волос, прилипшие к обивке. Вещи были хаотично разбросаны, словно преступник в спешке пытался скрыть улики, но не успел привести машину в порядок.

Молодой человек не сопротивлялся. Он молча проследовал в полицейский участок, где спокойно, почти равнодушно, назвался Чарли Расселом.

В дальнейшем он проявил неожиданную готовность сотрудничать со следствием. Без колебаний показал места, где оставлял трупы, детально и даже пугающе подробно воспроизвёл обстоятельства убийств. Его показания были точны, хладнокровны, лишены эмоций — и

сомнений в том, что именно его руки калечили тела жертв, не осталось ни у кого из присутствующих.

Для следствия всё обернулось на удивление легко и просто. «Слишком уж просто», — подумал Стив, хмуро разглядывая фотографии с места обыска. Он, конечно, слышал, что психи-маньяки порой сами приближают свой арест, но чтобы с полным багажником улик? Это выглядело неестественно, словно кто-то специально подстроил эту сцену, оставив все доказательства на виду. В голове детектива зашевелились тревожные вопросы: "А что, если это не признание вины, а чья-то изощрённая игра?"

Погруженный в тишину кабинета, Стив вновь склонился над показаниями Лили Марч. Постепенно до него доходило, как Чарли искусно заманивал своих жертв. Он рисовал перед ними картину несправедливости судьбы, рассказывал о людях, предавших его, — и с каждым словом создавал безупречный образ жертвы.

Беспомощность — как искусно надетый плащ, призванный пробудить в женщине жалость. Это была тонкая, изощренная манипуляция. Каждое слово, каждая интонация были тщательно выверены. Он был мастером иллюзий, знавшим, как играть на самых уязвимых струнах женской души.

Одинокие женщины становились его идеальной мишенью. В их жизни не хватало опоры, тепла, понимания — и Чарли умело заполнял эту пустоту. Они видели в нем не манипулятора, а человека, нуждающегося в поддержке. Их инстинкт защитницы пробуждался, они готовы были разделить его бремя, предложить помощь, стать опорой — хотя бы на мгновение почувствовать себя нужными.

Он не требовал ничего напрямую, но создавал негласное обязательство. Женщина чувствовала себя виноватой, если не откликнулась на его "страдания". Она оказывалась в ловушке собственных добрых намерений. Стив нахмурился: "Он все просчитал! У них не было шанса вырваться из этого капкана! Он отпускал их в моменте, но знал, что они вернуться..." И они возвращались. Ведомые зовом о помощи, они шли в уединенные кафе, чтобы выслушать его, разделить его боль. Садились напротив, кивали в такт его словам, обещали поддержку — и шли следом за ним, чтобы больше не вернуться...

До этого момента Стив видел в Расселе лишь жалкое подобие обезумевшего человека. Обычный "псих", как их принято называть, действующий по наитию, движимый прихотями искаженного разума.

Но теперь сама природа преступления заставила Стива пересмотреть свое мнение. Оно не было хаотичным или бессмысленным. Напротив, в нем прослеживалась определенная, пусть и извращенная, логика.

Это не был спонтанный взрыв насилия; это было тщательно спланированное действие, где каждая мелочь играла свою роль. Стив, будучи сам человеком прагматичным, не мог не оценить эту холодную расчетливость, даже если она была направлена на зло.

Биография Чарли Рассела была подобна отполированной гальке, выброшенной на берег. Ни ярких событий, ни заметных связей, ни следов бурной юности — только ровная, безликая поверхность. Ничего, за что можно было бы зацепиться.

Его история началась на холодном каменном крыльце сиротского приюта. Там, под покровом ночи, его оставили «добрые люди», чьи имена и мотивы навсегда остались тайной. Родителей, как это часто бывает в таких случаях, не нашли. Чарли был записан круглой сиротой — его прошлое представляло собой чистый лист, а будущее виделось туманной перспективой, полной неопределённости.

Когда ему исполнилось восемнадцать, социальные службы, следуя букве закона, позаботились о его будущем. Ему выделили комнату в одной из коммунальных квартир, предназначенных как раз для таких случаев. Это было не роскошное жилище, а скорее скромное убежище — просто комната: четыре стены и окно с видом на двор-колодец. Его жизнь была

настолько неприметной, что даже соседи, которые видели его каждый день, не могли сказать о нём ничего существенного; он всегда здоровался кивком, но никогда не задерживался для разговора.

Друзей у него не было. Не потому, что он был неприятен, а потому, что сама его сущность, казалось, не привлекала к себе внимания. Он устроился на простую работу, где не требовалось особых навыков или талантов. Его дни текли размеренно и предсказуемо: утро, работа, вечер, одиночество.

Но, несмотря на всю неприметность своей жизни, Чарли оставил после себя след — кровавый след.

В этом и заключалась главная загадка: Чарли Рассел жил, старательно не оставляя следов в повседневности, но именно он создал цепь ужасающих событий, которые невозможно было игнорировать.

Стив перечитал последнюю строчку дела и тяжело вздохнул.

Чарли Рассел оказался настоящим психом. Бедным девушкам ещё повезло, что он убивал их раньше, чем выдавливал им глаза. Согласно выводам экспертов, делал он это с особым удовольствием.

Но несмотря на все усилия команды психологов, его мотивы преступлений так и остались загадкой.

Это создавало ощущение, что он намеренно скрывает что-то, но что именно — оставалось неясным.

Глава 2

Стив чувствовал, что упускает что-то важное, какую-то деталь, которая могла бы пролить свет на тёмные уголки сознания убийцы. И тогда он вспомнил о докторе Мелони Рид, судебном психологе, которая провела несколько сеансов с подозреваемым. Возможно, она прольёт свет на мотивы преступника, на его внутренний мир, скрытый за маской хладнокровия.

Он немедленно набрал её номер, сжимая трубку чуть сильнее обычного. В трубке раздавались долгие гудки. Наконец, голос на том конце провода прозвучал спокойно и уверенно:

— Доктор Рид слушает.

— Добрый день, доктор. Это детектив Стив Картер. Мне крайне необходима ваша помощь...

Через несколько часов он уже сидел в просторном кабинете доктора Рид. Кабинет был полон книг: их корешки создавали мозаику из оттенков и фактур, а на стенах висели абстрактные картины, чьи плавные линии и приглушенные цвета создавали атмосферу умиротворения, словно приглашая забыть о суете внешнего мира. Он чувствовал, как напряжение, сковавшее его плечи с самого утра, постепенно отступает.

Он огляделся, пытаясь унять легкое волнение. В воздухе витал едва уловимый аромат чего-то травяного, успокаивающего. Он уже успел отметить для себя несколько книг, названия которых показались ему знакомыми, и попытался разгадать смысл одной из цитат Фрейда в лаконичной черной рамке: «Там, где было Оно, должно стать Я».

Но его мысли были прерваны.

Открылась дверь, и вошла она. Ее появление было настолько плавным, что он даже не услышал шагов. Она просто оказалась там, стоя у края его поля зрения, словно материализовавшись из воздуха. Он поднял голову, и его взгляд встретился с ее.

Доктор Мелони Рид, психолог-криминалист, чье имя произносили с придыханием в кулуарах самых громких судебных процессов, стояла сейчас перед ним.

Ее волосы... Огненно-рыжие — казались живым пламенем. Несколько непокорных прядей выбивались из строгой прически, падая на виски и касаясь высокой скулы. Ее темно-зеленые глаза напоминали малахит, в котором застыли золотистые искорки. За стеклами стильных очков в тонкой оправе этот взгляд был одновременно пронзительным и отстраненным.

На ней был идеально скроенный брючный костюм цвета мокрого асфальта, и строгие линии пиджака лишь подчеркивали изящную линию плеч и тонкую талию. Под ним — белоснежная шелковая блузка, верхняя пуговица которой была расстегнута ровно настолько, чтобы намекнуть на нежную кожу ключиц, но не более.

— Здравствуйте, детектив Стив, — произнесла она тихим, мелодичным голосом, который, как и все в этом кабинете, казался призванным успокаивать. — Рада вас видеть.

Доктор Рид села за свой стол, ее движения были такими же неторопливыми и уверенными.

— Что привело вас сюда?

«Черт, она красива», — пронеслось в голове Стива, прежде чем он заставил себя сосредоточиться. В этом кабинете, в присутствии этой женщины, он вдруг почувствовал себя обнаженным.

— Здравствуйте, доктор Рид— Стив, наконец, оторвал взгляд от ее лица, словно пробуждаясь от наваждения.

— Два года назад вы обследовали маньяка-убийцу по имени Чарли Рассел. Его осудили и казнили, но сегодня ночью кто-то убил девушку, в точности повторив его почерк. Мы полагаем, что это подражатель, но совершенно не знаем, где его искать. Я подумал, что, возможно, вы сможете помочь в этом деле.

Она внимательно посмотрела на Стива.

— Зовите меня просто — Мелони.

Стив благодарно кивнул.

— Да, я помню этого человека. Чарли Рассел. Меня тогда пригласили провести ему психолого-клиническую экспертизу. Все мои отчеты есть у вас в деле. Я не понимаю, чем еще я могу помочь?

— Я читал ваши отчеты, доктор Мелони. Но его мотивы убийства вы так и не выявили. Скажите мне, почему?

Она задумчиво коснулась губ кончиком ручки. Ее взгляд скользнул по Стиву, задержался на его напряженном лице, затем устремился куда-то вдаль, словно она пыталась заглянуть в прошлое.

— Мотивы... — Мелони произнесла это слово медленно, словно пробуя его на вкус. — Стив, вы когда-нибудь задумывались, что такое мотив для человека, который не видит разницы между жизнью и смертью?

Стив нахмурился.

— Хотите сказать, что у него не было мотива?

— Нет, не совсем так. Мотив был, но он был иррационален. Не поддавался обычной логике. Чарли Рассел был не просто психопатом.

Мелони отложила ручку и скрестила руки на груди.

— Я провела с ним десятки часов. Пыталась проникнуть в его разум, понять его извращенную логику. Он был невероятно умен, харизматичен, но при этом абсолютно лишен эмпатии. В данном случае сложность заключалась в отсутствии очевидных факторов, которые могли бы объяснить такую жестокость. Он не страдал психическими заболеваниями, не подвергался насилию в детстве, не имел проблем с законом в прошлом. Я тщательно изучила его биографию, пытаюсь найти хоть какую-то зацепку, хоть малейший намек на травму или девиацию, которые могли бы спровоцировать столь ужасные поступки. Однако все было тщетно. Чарли Рассел казался обычным человеком, за фасадом которого скрывалась бездна жестокости. Особенно сложным было отсутствие раскаяния. Он не проявлял ни сожаления, ни сочувствия к жертвам. Его ответы были лаконичными и формальными, словно он читал заранее заученный текст.

— И вы так и не смогли найти нить, которая вела бы к его истинным побуждениям? — спросил Стив.

Доктор Мелони встала и подошла к окну, глядя на суетливый город внизу.

— Его мотив был в самом акте убийства. Он не убивал из ненависти, Стив. Он убивал из... Его действия продиктованы внутренними импульсами, которые он сам не всегда может объяснить. Он видит мир иначе, чем мы. Для него насилие – это не зло, а скорее способ упорядочить хаос, который он ощущает внутри себя.

Стив слушал, пытаясь уложить эти слова в свою привычную картину мира. "Упорядочить хаос? Но как?"

— Он создал свои собственные правила, свою собственную реальность, – продолжила доктор Рид. – Каждое убийство – это шаг в его игре. Он не испытывал раскаяния, потому что не видел в своих действиях ничего неправильного. Он действовал согласно своей искаженной морали.

Стив задумчиво потер подбородок.

— А что насчет подражателя? Что вы думаете?

— Подражатель — пробормотала она. — Чарли Рассел он был своеобразным человеком. Он не был тем, кто легко подпускал к себе. Чарли был очень одинок. Он считал себя выше других, но при этом отчаянно жаждал признания. Он хотел, чтобы его увидели, чтобы его поняли. И, возможно, кто-то увидел его. Кто-то, кто был так же одинок.

— Вы не думаете, что это мог быть кто-то из тех, кто следил за делом? — спросил Стив.
— Журналисты? Фанаты?

Мелони покачала головой.

— Слишком поверхностно. Фанаты восхищаются внешним. Мы ищем того, кто проник в его суть. Кто-то, кто, возможно, даже общался с ним, видел его без маски.

Стив нахмурился.

— Но Чарли был в тюрьме. У него не было посетителей, кроме адвоката и вас.

— А до тюрьмы? Он ведь где-то жил? — спросила доктор Мелони.

— У него комната в коммунальной квартире. На окраине города.

Мелони повернулась к нему, в ее глазах мелькнул огонек.

— Коммунальная квартира, — повторила она, и в этом повторении было что-то, что заставило Стива насторожиться. — Это же целая экосистема. Кто там с ним жил? Кто его знал?

— Разные люди — начал он, вспоминая обрывки информации.

— Покажите мне список жильцов, пожалуйста. Материалы дела наверняка у вас с собой, — с лёгкой улыбкой произнесла доктор Рид.

Стив вздохнул, но послушно потянулся к папке. Он достал список жильцов и протянул его доктору Рид.

Она погрузилась в изучение: её пальцы легко скользили по именам. Время текло незаметно. Стив терпеливо ждал, наблюдая за игрой света в её рыжих волосах и за тем, как иногда уголки губ чуть заметно приподнимались — словно она находила что-то интересное в сухих строчках.

Наконец, откинувшись на спинку кресла, доктор Рид с блеском в глазах посмотрела на Стива.

— Уважаемый детектив, — произнесла она, — полагаю, я нашла вам вашего подражателя.

Стив удивлённо поднял бровь.

— Вы хотите сказать, что этот человек есть в этом списке?

— Именно, — подтвердила доктор Рид.

— Но как? — Стив не мог скрыть своего изумления.

— Что ж, если позволите, я объясню, как я пришла к таким выводам.

— Я весь во внимании, доктор Рид.

— Для начала вы должны понять, что поступки людей формируются под влиянием окружающей среды.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что мы становимся похожими на тех людей, которые нас окружают.

— Да, это известный факт. Хозяин становится похожим на свою собаку, супруги — друг на друга, и тому подобное. Это я знаю, — Стив усмехнулся, его взгляд скользнул по книжным полкам, заставленным медицинскими справочниками. — Но вы говорите так, будто это какая-то болезнь, которую можно подхватить. Просто жить рядом с психопатом — разве это уже преступление?

Стив ещё говорил, когда вдруг доктор Мелони непроизвольно зевнула. Её губы слегка приоткрылись, изогнулись в полумесяц, обнажая лишь краешек жемчужных зубов. Плечи её слегка приподнялись, а затем плавно опустились. Она быстро прикрыла рот рукой, но не переставала внимательно смотреть на Стива.

— Похоже, я слишком утомил вас — И тут, словно сработал невидимый механизм, его губы начали растягиваться. Он попытался сдержаться, но было поздно. Из его рта вырвался такой же протяжный зевок.

— Возможно, это и не преступление, но, как видите, ужасно заразительно! — Доктор Рид, видя смятение Стива, улыбнулась.

— Ваш подражатель — это тот, кто, сам того не осознавая, перенял поведение преступника. Вот как вы сейчас бесконтрольно повторили за мной зевок. Мы имеем дело с феноменом, который выходит за рамки классического криминального расследования.

Понимаете, в нашем мозге есть система зеркальных нейронов, которые, когда мы видим чужую эмоцию, активируют ту же зону, как если бы мы сами это чувствовали. Не метафорически — буквально. Мы смотрим на злого человека — и наш мозг начинает генерировать злость без нашего разрешения.

Эволюционно это помогало выживать: если сосед испугался — значит, опасность. Быстрая передача страха спасала племя. Мы как губка, которая впитывает чужие состояния. И большинство людей этого не осознают. Наши эмоции — не всегда наши.

Доктор Рид наклонилась вперёд.

— Понимаете, Стив, мы — существа социальные. Мы учимся, мы адаптируемся, мы отражаем. И когда мы отражаем искажённое восприятие, мы сами начинаем искажать. Психоз — это не просто химический дисбаланс в мозге. Это может быть и результатом длительного воздействия на психику, когда искажённые мысли и эмоции становятся настолько сильными, что начинают доминировать.

— Ну хорошо, допустим, я понял, что «дурной пример» заразителен, — заметил Стив. — Что в этой коммунальной общине вполне может скрываться подражатель. Но это убийство! Нельзя же рефлексивно, неосознанно повторить убийство. По вашему, мы что — просто машины для бездумного копирования?

— Нет, мы не обречены быть пассивными отражателями чужих действий. Мы также обладаем способностью выбирать, кого слушать, чьему примеру следовать и какую реальность строить вокруг себя. Проблема в том, что эта способность не дана нам с рождения, а формируется со временем.

Самоконтроль, принятие решений и понимание последствий наших действий развиваются постепенно и достигают зрелости лишь к позднему подростковому возрасту. Однако порой случается, что человек растёт, взрослеет, а механизмы самоконтроля почему-то не развиваются. И тогда ему ничего не остаётся, кроме как просто копировать то, что делают вокруг. И среди жильцов этой «коммуналки» есть человек с таким дефектом!

— Ух ты! — Стив подался вперёд. — Вот это да! Это кто же?

— Коллин Мерфи. Вот, посмотрите: в вашем списке напротив его фамилии стоит пометка: «Не осознаёт последствия своих действий вследствие расстройства психики. Опекун — мать». — Доктор Мелони протянула Стиву листок.

— Да, действительно. Вы правы, — Стив смотрел на пометку и не понимал, почему эта мысль не пришла ему в голову раньше. — Но на этом обвинение не построишь — это всё косвенные подозрения.

— Я предлагаю вам для начала с ним просто побеседовать.

— И, разумеется, в вашем присутствии?

— Разумеется.

— Я согласен, доктор Мелони. — Стив встал. — Как говорится, одна голова хорошо, а две...

— ...а две — мутант, — доктор Мелони закончила фразу.

— Спасибо вам, доктор Рид, вы мне очень помогли.

— Удачи вам, детектив Стив, — ответила доктор Рид. Её малахитовые глаза смотрели на него с пониманием и лёгкой тревогой.

— Будьте осторожны. Вы смотрите в глаза тени, и она может отразиться в вас.

Уже почти стемнело, когда Стив покинул уютный кабинет доктора Мелони и вышел на улицу. Днём город задыхался от жары, и даже сейчас ночной воздух казался густым и липким.

В тусклом свете уличных фонарей Стив медленно вёл свой автомобиль по пустынным улицам. В салоне едва слышно играла музыка из радио, но даже эта приглушённая мелодия не могла заглушить нарастающий гул в его голове — гул, который был вызван одним единственным именем: Мелони Рид. В душе Стива бушевала буря.

Её образ, словно навязчивая картина, никак не выходил у него из головы. Он видел её в мелькающих огнях фонарей, в тенях, танцующих на асфальте, в каждом отражении, которое ловил взгляд. Он пытался сосредоточиться на теме их разговора, на словах, которые произнёс сам, и на тех, что услышал от доктора. Но каждый раз, когда он пытался ухватиться за нить логики, его мысли, словно непослушные птицы, возвращались к ней.

Никогда раньше женщины не вызывали в нём таких чувств. Стив всегда считал себя человеком рациональным, прагматичным. Женщины в его жизни были предсказуемы: их желания и реакции — понятны. Но Мелони Рид словно принадлежала другому измерению. Смесь робости и вожделения разрывала его на части. Жажда близости, желание раствориться в её присутствии, познать её до самой сути — всё это медленно, но верно поглощало его.

Стив аккуратно припарковался, заглушил двигатель и вышел из машины. Его шаги по гравию парковки звучали отчётливо в ночной тишине. Он поднял голову и взглянул на звёзды, которые казались сейчас такими близкими и далёкими одновременно.

СОН ВТОРОЙ.

Она лежала перед ним словно драгоценный камень. Её кожа, гладкая и блестящая, обещала сочность, а насыщенный алый цвет губ пульсировал, словно живое сердце. Он смотрел на неё, и это было похоже на приятное парение в невесомости — ничего прекраснее он раньше не видел.

И это была чистая правда. Он вообще раньше никогда не видел девушек так близко.

В его мире, сотканном из страниц научных журналов, формул и строгих правил, для них просто не было места. Девушки были абстрактными понятиями, персонажами из фильмов или далекими фигурами, мелькавшими в коридорах университета. Он видел их издалека, как видят звёзды на ночном небе — красиво, недостижимо и совершенно непонятно.

Они смеялись, о чём-то шептались, жили своей, отдельной жизнью, в которую у него не было ни ключа, ни приглашения. Он никогда не задумывался, какого цвета могут быть их глаза при ближайшем рассмотрении или как дрогнет уголок губ перед улыбкой.

А сейчас девушка лежала так близко, что он мог бы дотронуться до нее, если бы посмел. Она была единственным ярким пятном в этом пространстве, лишённом очертаний. Ее волосы, цвета растопленного золота, растекались по серому камню, а бледная кожа, казалось, светилась изнутри, бросая вызов окружающей тьме.

Он не помнил, как они здесь оказались. Память была рваной, как старая ткань: вспышки огня, крики, а потом эта оглушающая тишина и она, неподвижная, у его ног.

Он смотрел на нее, и мир вокруг не имел значения. Этот туманный, безвременный вакуум был лишь фоном для ее хрупкой фигуры. Она была его якорем, единственной реальной вещью. Он вдыхал ее едва уловимый аромат — смесь полевых цветов и озона после грозы — и это успокаивало его.

Но вдруг что-то постепенно изменилось. Тени сгустились, краски поблекли, и сердце заколотилось в груди, словно пойманная птица. Золото ее волос потускнело, превратившись в цвет увядшей соломы. Тепло, исходившее от ее тела, сменилось могильным холодом.

Вокруг простирался лабиринт из серых безликих стен, где каждый поворот приводил к новому тупику, из которого неумолимо приближалось что-то невидимое, но ощутимо злое. Он почувствовал его дыхание на затылке.

Холод...

Не тот, что пробирает до костей, а тот, что проникает в самую суть, замораживая мысли и парализуя волю. Страх словно прилип к коже, когда из серой темноты отразился его двойник.

Его руки медленно потянулись к девушке, и уродливые пальцы сомкнулись вокруг её шеи. В этом прикосновении не было ничего ласкового. Сначала она не двигалась, но под напором его пальцев — с тихим влажным вздохом — очнулась. В её широко распахнутых глазах отразились страх и непонимание. Когда инстинкт всё же взял верх, она начала метаться под ним, скуля и рыча, царапая его руки.

Он давил. Безжалостно. Словно хотел высвободить то, что таилось у неё внутри — в этом была его неумолимая, почти животная потребность. Всё его тело напряглось, мышцы налились силой, он, не останавливаясь, продолжал сжимать. Она сопротивлялась, её ладони скользили по холодному бетону, оставляя следы своей борьбы, а ногти скребли, издавая пронзительный звук.

Но время шло, её силы иссякали. Каждый новый рывок становился слабее, каждый звук — тише. Ужас не исчез из её глаз, но к нему примешалось глубокое и печальное осознание безысходности. В какой-то момент её тело обмякло, и она замерла, уставившись в одну точку стекленеющим взглядом.

Клетка — холодное металлическое слово, которое стало его миром. Он прыгал, бился о прутья, рвался вырваться из этой ловушки — он пытался.

О, как он пытался!

Он видел всё, что происходило за решёткой, и ненавидел себя такого. Каждый раз, когда его демон вырывался наружу, когда требовалось сделать решительный шаг, что-то внутри него ломалось. Страх парализовал, и он снова оказывался на коленях, разбитый и опустошённый.

Теперь он застыл в углу, сжавшись в комок. Он больше не пытался вырваться. Не пытался достучаться до того себя — это было его проклятие, его вечное наказание. Он понял, что был заперт в собственном разуме, где единственным слушателем был он сам.

Глава 3

Раннее утро окутало город ещё не проснувшейся дымкой. Солнце только начинало пробиваться сквозь лёгкую пелену, окрашивая фасады зданий в тёплые золотистые оттенки. В это время Стив уже ехал за рулём своего автомобиля по улицам района, созданного для тех, кому жизнь преподнесла немало испытаний.

Социальная адаптация здесь была не просто словом, выгравированным на табличках государственных учреждений, а реальной возможностью для тысяч людей. С одной стороны, это проявление заботы государства — попытка дать людям шанс, создать условия для достойной жизни. С другой стороны, Стив не мог не замечать тех невидимых линий, что отделяли этот район от более благополучных кварталов.

Эти линии не были нарисованы на асфальте, их не было на картах города, но они ощущались в воздухе, в атмосфере, в едва уловимых деталях. Стив видел, как меняется архитектура, становясь более однообразной, менее амбициозной. Он замечал, что магазины здесь скромнее, а ассортимент товаров — ограниченнее. Он чувствовал: несмотря на все усилия, этот район оставался своего рода «островом», отделённым от «большой земли» не только географически, но и социально. Люди из других районов смотрели на местных жителей с лёгким оттенком пренебрежения и опасения.

Наконец Стив подъехал к старому обшарпанному дому. Его кирпичные стены, некогда яркие, теперь были покрыты паутиной трещин. Балконы с облупившейся краской и ржавыми перилами нависали над дверью подъезда.

На скамейке у входа сидела пожилая женщина. Её глубоко запавшие глаза смотрели настороженно.

Стив заглушил мотор и вышел из машины, после чего подошёл к женщине.

— Здравствуйте, — начал он. — Я ищу Коллина Мерфи. Вы знаете такого?

Женщина медленно повернула голову, и её взгляд скользнул по Стиву с головы до ног.

— Коллина Мерфи? — прохрипела она, и в её голосе прозвучала нотка раздражения.

— Конечно, знаю. Это мой сын. — Она махнула рукой в сторону дома, словно отгоняя назойливую муху. — Болтается без дела целыми днями. Недоумок.

— Я я понимаю, — осторожно продолжил Стив. — Но я должен с ним поговорить. Это очень важно.

— Важно, говоришь? — Женщина усмехнулась. — Для кого важно? Для него-то точно ничего не важно. С тех пор как тот сосед пропал, — она кивнула в сторону одного из окон на втором этаже, — он занял его комнату и сидит там часами. Не выходит, не разговаривает. Только в этом его старом свитере ходит. — Вот там, на втором этаже, — она снова махнула рукой, на этот раз указывая на окно. — Напялит на себя этот старый свитер соседа и ходит в нём везде. Даже когда жарко. Говорит, что это его греет. Чудной.

Стив посмотрел на окно, указанное женщиной. За ним виднелся тёмный силуэт, неподвижный, словно статуя.

— Спасибо вам, — сказал Стив, чувствуя, что дальнейшие расспросы здесь бессмысленны. — Я, пожалуй, попробую с ним поговорить.

Женщина лишь кивнула, снова уставившись вдаль, словно её мысли были где-то далеко.

Стив направился к подъезду. Внутри было пусто, царил полумрак и пахло сыростью. Ступени, стёртые тысячами шагов, вели его наверх. Он поднялся на нужный этаж, остановился перед дверью с облупившейся краской и, набравшись решимости, вошёл.

Внутри было тихо, лишь слабый свет мутной лампочки освещал скудное убранство квартиры. В этот момент из дальней комнаты вышел парень. Он был худой, почти болезненный: плечи опущены, движения замедленные. Бледная кожа, тонкие запястья — всё в нём гово-

рило о хрупкости. Тёмные волосы, давно не мытые, слипались на лбу, придавая ему ещё более неопрятный вид.

Паренёк подошёл ближе. Его взгляд, ещё недавно полный растерянности, теперь сфокусировался на незнакомце. Он с любопытством разглядывал форму Стива, словно пытаясь угадать, кто этот человек и что привело его сюда. В его глазах мелькнула искра интереса, смешанная с той же настороженностью, что и у его матери.

— Это ты Коллин Мерфи? — спросил Стив.

Парень кивнул, не отрывая взгляда от лица Стива.

— Мне надо с тобой поговорить, — сказал Стив. — Ты согласен поехать со мной в участок?

— Да, — ответил тот тихим голосом.

— Отлично. Тогда пойдём.

Всю дорогу до полицейского участка они ехали молча. Когда Стив наконец увидел Коллина Мерфи, его уверенность пошатнулась. Перед ним стоял человек, который никак не вписывался в образ опасного преступника. «Неужели это он?» — пронеслось в голове Стива. Казалось, он скорее испугается собственной тени, чем спланирует и совершит ужасное преступление.

Стив знал, что такое умственная отсталость. Он видел, как люди с подобными особенностями живут: радуются простым вещам и особенно нуждаются в заботе и понимании. Мысль о том, что кто-то из них способен на зверскую жестокость, казалась противоестественной. «Но ведь это нелогично, — бормотал Стив себе под нос. — Жестокость — результат чего? Злобы? Ненависти? Желания причинить боль? А у него разве есть такие понятия? Он, кажется, даже не до конца понимает, что такое боль. Как он может хотеть причинить её другому?»

Он вспомнил эпизоды из детства, когда его дразнили за неуклюжесть и непонимание шуток. Тогда он чувствовал обиду и гнев, желание ответить. Но это были эмоции, которые он мог осознать и проанализировать. У этого же парня, похоже, не было такого внутреннего механизма. Его действия — не злонамеренность, а что-то иное. «Может быть, это просто непонимание? — промелькнула мысль. — Он не осознавал, что делает? Не понимал, к каким последствиям приведут его поступки? Не видел, что причиняет страдания?»

Стив попытался представить мир, где нет чётких границ между добром и злом, где поступки не имеют веса, а последствия не осознаются. Мир, в котором можно совершить ужасное, не испытывая ни раскаяния, ни даже понимания содеянного. Это пугало — пугало своей чуждостью.

Он вспомнил, как однажды видел маленького ребёнка, который без злого умысла сломал крылья бабочке — просто из любопытства, желая посмотреть, как она будет двигаться. Это не было злом: лишь отсутствие понимания хрупкости жизни. Но что, если подобное «отсутствие понимания» распространяется на более серьёзные вещи?

Стив чувствовал, как его привычные представления о мире начинают трещать по швам. Прежде он верил в простоту добра и считал, что зло — всегда осознанный выбор. Но эта история заставляла его усомниться. Может ли жестокость быть не результатом сознательного решения, а следствием чего-то иного? Отсутствия эмпатии, понимания или страха перед последствиями?

Он не знал ответа, и эта неопределённость давила на него. Стив не хотел верить, что человек с таким невинным видом мог оказаться чудовищем. Но отрицать такую возможность, опираясь лишь на собственные убеждения, было бы неразумно.

Возможно, истина скрывалась где-то в глубинах человеческой психики — там, куда он боялся заглядывать. Стив понимал: его представления о добре и зле, о невинности и вине сформированы личным опытом и собственным восприятием мира. Однако реальность оказалась сложнее и многограннее, чем он когда-либо мог себе представить.

Мысль о том, что умственная отсталость не служит абсолютным барьером для жестокости, тревожила. Она разрушала уютную иллюзию: будто люди с такими особенностями защищены своей «невинностью» и не способны на зло. Выходило, что потенциал к разрушению и причинению боли может таиться в каждом — независимо от уровня интеллекта и способности к абстрактному мышлению. «Может быть, это другая форма безумия? — подумал Стив. — Не та, что проявляется в галлюцинациях или бреде, а та, что лишает человека способности к эмпатии, понимания чужой боли и осознания моральных границ?»

Он представил мозг, работающий иначе: где причинно-следственные связи выстраиваются не так, как у большинства. Где импульс к действию не фильтруется через призму морали или социальных норм. Где даже самое примитивное желание может реализоваться без оглядки на последствия.

Это было страшно — потому что означало: мир не так упорядочен, как хотелось бы думать. Существуют силы, неподвластные логике, не подчиняющиеся привычным правилам. Зло может быть не только выбором, но и следствием глубоких, до конца не изученных нарушений в человеческой природе.

Раньше Стив считал, что понимание — ключ к предотвращению зла: если мы поймём причины, то найдём и решения. Но что, если эти причины лежат слишком глубоко, за пределами нашего понимания? Что, если мы бессильны?

Возможно, некоторые вопросы не имеют простых ответов, а некоторые истины слишком сложны, чтобы их принять. И, возможно, именно в этой сложности и кроется самая страшная правда о человеке.

*****

Яркий, почти ослепляющий свет бил из потолочной лампы, заставляя глаза слезиться и с трудом фокусироваться. Стены допросной, выкрашенные в унылый серый, отражали этот свет, делая пространство ещё более давящим.

Доктор Мелони Рид уже была здесь. Она стояла, прислонившись к одной из стен, словно пытаясь слиться с ней, стать незаметной. Но это было невозможно. Даже в этом тусклом, давящем пространстве она излучала ауру, притягивающую взгляд.

На ней был строгий, но элегантный тёмно-синий костюм, идеально сидящий по фигуре. Пиджак был застёгнут на все пуговицы. Брюки прямого кроя, без единой складки, ниспадали до острых носков чёрных кожаных туфель на невысоком каблучке. Этот синий цвет идеально подчёркивал пламенную рыжину её волос, каскадом волн рассыпавшихся по плечам.

Стив почувствовал, как его сердце забилось быстрее, когда она медленно оттолкнулась от стены и сделала шаг вперёд. Он знал, что должен быть сосредоточен, сохранять хладнокровие. Перед ним было дело, требующее всей его внимательности и профессионализма. Но эта женщина Чёрт, она явно ему не безразлична. В её глазах читалась какая-то особая глубина, а спокойная уверенность действовала на него как магнит.

— Здравствуйте, детектив Стив, — её голос прозвучал в тишине допросной. — Мы вас ждём.

Стив сделал глубокий вдох, пытаясь унять учащённое сердцебиение. Он кивнул, стараясь не смотреть на неё слишком долго, хотя это было почти невозможно. Коллин Мерфи сидел в центре комнаты за массивным металлическим столом. Его тонкие и длинные пальцы с обкусанными ногтями нервно теребили край потёртой футболки. Но самым поразительным было его лицо — детское, с широко распахнутыми испуганными глазами, которые не могли удерживать взгляд на одном месте. Глаза метались по комнате, словно искали выход: он явно был не в своей тарелке.

Стив и доктор Рид расположились напротив Коллина. Стив положил перед собой папку с делом, а доктор Рид — блокнот и ручку.

— Здравствуй ещё раз, Коллин, — сказал Стив.

Коллин вздрогнул и кивнул, затем быстро перевёл взгляд со Стива на доктора Рид.

— Меня зовут Стив. А это — доктор Мелони. Не бойся, мы просто поговорим, — Стив пытался подавить чувство жалости к этому парню.

— Хорошо... Я постараюсь. Но иногда у меня в голове всё путается, — Коллин сглотнул, его взгляд остановился на обкусанных ногтях собственных пальцев.

— Ничего страшного. Скажи мне, Коллин, ты знаешь, кто живёт рядом с тобой? Я говорю о твоих соседях. Ты их знаешь?

— Да, у меня есть соседи. Они иногда шумят.

— Понятно. Может, кто-то из них выходил на улицу и что-то делал? Может быть, кто-то вёл себя подозрительно? — Стив сделал паузу, внимательно изучая реакцию парня.

— Я не знаю. Иногда я вижу их, когда они гуляют. Я не помню. Я больше люблю смотреть телевизор.

— Это нормально. Главное, что ты стараешься вспомнить.

Доктор Мелони всё это время молча делала пометки в блокноте. Вдруг она подалась ближе — её дыхание коснулось уха Стива, и шёпот прозвучал только для него:

— Спросите его про ночь убийства.

От близости её губ по Стиву пробежала дрожь. Собрав всю волю в кулак, он постарался, чтобы голос не дрожал, когда обратился к Коллину:

— А позавчера вечером ты тоже смотрел телевизор?

— Я да... Я был занят фильмом.

Его ответ был быстрым, но в нём чувствовалась какая-то неуверенность, словно он пытался ухватиться за ускользающую мысль.

— А что именно ты смотрел? — продолжил Стив, чувствуя, как доктор Мелони внимательно наблюдает за ним. — Можешь рассказать, о чём был тот фильм?

— Хорошо... Я постараюсь вспомнить. Я не хочу, чтобы вы думали, что я что-то скрываю, — пробормотал Коллин. Его взгляд блуждал по комнате, избегая прямого контакта.

— Не переживай, я не думаю, что ты что-то скрываешь. Ты всё делаешь правильно, рассказывай о своих воспоминаниях.

— Я не такой умный, как другие. Я не хочу, чтобы меня ругали или наказывали, — его слова прозвучали как мольба, как попытка оправдаться ещё до того, как его обвинили.

«Он явно что-то недоговаривает. И его нервозность нарастает. Он боится не меня — он боится того, что я могу узнать. Или того, что он сам знает», — подумал Стив.

Доктор Мелони продолжала делать пометки, но теперь в её движениях появилась какая-то новая, едва уловимая энергия. Стив почувствовал, что они на верном пути: этот парень, несмотря на свою кажущуюся простоту, хранит ключ к разгадке.

И тут внезапно распахнулась дверь. Взгляд Стива метнулся к источнику шума.

На пороге стоял Блэквуд. Его обычно аккуратно уложенные волосы были растрепаны, а в глазах читалась смесь отчаяния и растерянности.

Это было неожиданно. Он редко появлялся здесь без предварительной договоренности, а уж тем более в таком виде. Шеф выглядел потерянным. Он прислонился к только что закрытой двери, словно ища в ней опору.

— Стив — позвал он. Стив, немного ошеломленный, поднялся из-за стола и сделал шаг навстречу, но шеф не двинулся с места. Стив подошел ближе:

— Что случилось? — Стойкий запах алкоголя, исходивший от шефа, подсказал Стиву, что тот был пьян. Не просто навеселе, а в состоянии, когда даже стоять на ногах было непросто.

— Это уже всё неважно. Отпустите парня — невнятно пробормотал Блэквуд, после чего его тело обмякло, и он сполз вниз.

Стив застыл в недоумении. В этот момент, словно по наитию, вошли Райли и Джек, видимо, они находились неподалеку. Без лишних вопросов они помогли Блэквуду подняться и, поддерживая его под руки, повели прочь из допросной.

Стив повернулся к Мелони, чье лицо выражало явное волнение.

— Прощу вас, оставайтесь с Коллином здесь. Я выясню, что случилось, и скоро вернусь к вам.

Доктор Мелони в ответ лишь понимающе кивнула. Стив был ей благодарен за отсутствие лишних вопросов.

За дверями допросной Стива встретила стена любопытных глаз. Коллеги, словно почувствовав неладное, замерли, провожая их взглядами. Стив, стараясь не выдать своего волнения, натянул на лицо подобие улыбки.

Путь до кабинета шефа казался бесконечным, каждый шаг сопровождался риском падения. Наконец, они добрались до цели. Осторожно усадив шефа в кресло, они попытались привести его в чувство.

Когда Блэквуд, наконец, пришел в себя, его взгляд был полон обреченности.

— Шеф, что случилось? — Стив осторожно решил нарушить молчание.

Блэквуд глубоко вздохнул и потянулся за бутылкой.

— Стивен, — голос шефа был хриплым, словно он долго кричал в пустоту. Выплеснув остатки виски в стакан, он поднял его как отчаянный жест. — Всё кончено — Его рука дрогнула, и он сжал ее в кулак, пытаясь удержать остатки контроля. — Это провал. Все эти годы все эти расследования и вот так. Один неверный шаг, и всё летит к чертям.

Блэквуд достал из ящика стола листок, исписанный мелким медицинским почерком, и положил его перед Стивом.

Это был отчет судмедэксперта. Оказалось, ночью нашли еще один труп девушки, и на теле жертвы был найден волос, который принадлежал, как бы вы думали, кому? Конечно же, Чарли Расселу.

Это уже не было похоже на то, что кто-то копирует его почерк, это было прямое свидетельство существования ЖИВОГО Чарли Рассела!

Спасительная версия с подражателем, на которую так надеялся Блэквуд, провалилась!

Стив стоял и чувствовал, как внутри него поднимается волна смешанных чувств, он ждал объяснений. Блэквуд медленно опустил стакан, его взгляд был прикован к отчету, словно он пытался прожечь в нем дыру.

— Я... Я был уверен, Стив, — он замолчал, словно эти слова застряли у него в горле.

— Я думал, что поймал его. Что закрыл это дело раз и навсегда.

— Но как как это возможно? — Стив не мог смириться с этим. — Рассел все это время был жив?

— Я не знаю, Стив. Я просто не знаю, — Блэквуд покачал головой.

— А как же казнь?! Вы кого казнили тогда, а?! — это было настолько абсурдно, насколько и нелепо.

— Чарли Рассела!!! — шеф почти взревел. — Я своими глазами видел, как на него надели холщевый мешок и пропустили 380 вольт!!! — он вскочил и, нависая над столом, прокричал это в лицо Стиву.

— Видели! — Стив тоже повысил голос. — Но что-то увиденное не сильно вас успокоило, да?! — Он решил окончательно припереть шефа к стенке. — Вы сам не свой с первого дня расследования! Вы что-то скрываете! Что там произошло на самом деле?!

Блэквуд вдруг обмяк и вымученно опустился на стул.

— Это сложно объяснить, — Блэквуд постарался отвести взгляд.

— Сложно?! Сложно было сказать мне правду в самом начале?! Сказать, что происходит на самом деле, а не подсовывать мне обрывки информации.

— Чувства к делу не пришьешь, Стив! Но ты прав, — я знал, что я видел, но не верил увиденному. И не спрашивай меня — почему? — я не знаю! Лучше сам посмотри запись казни, я дам распоряжение, чтобы тебе открыли доступ к видеозаписям.

— Вы водили меня за нос! Вы могли бы просто сказать мне. Сказать: "Стив, я сомневаюсь, что Чарли Рассел мертв". А вместо этого — эти игры, эти намеки на подражателя. Я чувствую себя идиотом, Блэквуд! Идиотом, которого водили за нос! — Стив сжал кулаки.

— Я думал, что так будет лучше...

— Кому?! Вам?! Вы боитесь только за свою шкуру!

— Стив, послушай. Я совершил ошибку. Я признаю это. Но не повторяй моих ошибок. — В этот момент Стив понял, что пьянство шефа было не просто слабостью, а следствием глубокого стресса и отчаяния. Он видел, как тяжело дается ему это признание. — А теперь идите...

Стив и его друзья, переглянувшись, резко повернулись и вышли из кабинета, оставив шефа полиции наедине с его стаканом и ожиданием краха.

В коридоре первым нарушил молчание Джек.

— Вот так дела... Это что же получается, Блэквуд с самого дня казни знал, что Рассел жив?

— Знал или только подозревал, не имеет теперь значения. Важнее понять, что там случилось, что посеяло в нем такие подозрения. Мы можем сидеть здесь и часами гадать, но тянуть больше нельзя. Эта запись с камеры — наш единственный шанс хоть что-то прояснить, — сказал Райли.

— Ты прав. Хватит ждать у моря погоды. Нужно ехать и смотреть. Видимо, настало время самому посмотреть, что там произошло, — ответил Стив.

— И куда ты собрался? В отдел криминалистики? Они там опять будут тянуть резину, пока не найдут «идеальное время» для просмотра.

— Нет, не туда. Я поеду в архив тюрьмы. Там хранится вся эта пленка. Чем быстрее мы ее получим, тем быстрее во всем разберемся.

— В архив? Это же займет уйму времени...

— Джек, другого варианта нет. А пока я буду там копать, отвезите Мерфи домой. Мы оставили его в допросной, он там сидит, ждет. Он достаточно натерпелся сегодня.

— Хорошо. Отвезем. А ты... ты там не задерживайся.

— Ну тогда за дело, парни! — сказал Стив, направляясь к двери.

Детективы вошли в допросную. Коллин Мерфи, бледный и перепуганный, сидел на жестком стуле. Его руки заметно дрожали, а взгляд беспокойно метался по стенам. Джек осторожно положил ладонь ему на плечо, пытаясь хоть немного успокоить.

— Коллин, — произнёс он мягко, — ты пойдёшь с нами.

Мерфи не сопротивлялся, хотя страх в его глазах оставался прежним. Они покинули комнату.

Наконец-то Стив остался в допросной наедине с доктором Рид. Она сидела за столом, сложив руки, и внимательно, почти изучающе смотрела на него.

— Итак, что же там у вас произошло? — спросила она.

— Прошу прощения за то, что вам пришлось это увидеть. И мне очень неловко втягивать вас в это дело, но обстоятельства изменились, доктор Рид. Сегодня ночью была убита ещё одна девушка. На её теле обнаружены следы ДНК Чарли Рассела, — Стив умолк.

— При таких обстоятельствах я не могу больше рассматривать версию с подражателем. Вы понимаете, о чём я говорю? — Картер был удивлён её спокойствием. — Мне кажется, вы не удивлены этой новостью? Вас не смущает, что Чарли Рассел, возможно, жив?

— Не смущает... Знаете, я уже второй раз слышу эту версию.

— Хмм... И от кого же вы это слышали впервые?

— От Джо Хендерсона. Он вёл это дело два года назад. И он приходил ко мне после казни Чарли Рассела. Его мучали сомнения, что именно Чарли посадили на электрический стул.

— И что же вы ему тогда сказали?

— А что я могла сказать? Я проводила экспертизу настоящему Чарли Расселу. Что с ним могло случиться после — я не знаю.

— Ясно. Я собираюсь посетить окружную тюрьму и посмотреть запись с казни Рассела. Я должен сам разобраться в этом. Вы поедете со мной?

— Охотно, Стив. Только заедем ко мне домой, я возьму свой дорожный чемоданчик.

— Тогда в путь, доктор Мелони.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.